

Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 96—112.

Woman in Russian Society. 2023. No. 4. P. 96—112.

Научная статья

УДК 316.356.2-056.24

DOI: 10.21064/WinRS.2023.4.8

ОТСУТСТВУЮЩЕЕ ОТЦОВСТВО В МОЛОДЫХ РОССИЙСКИХ СЕМЬЯХ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Ольга Николаевна Безрукова, Валентина Алексеевна Самойлова

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия, o.bezrukova@spbu.ru

Аннотация. Анализируется специфика отсутствующего отцовства в восприятии молодых матерей, в семьях которых воспитываются дети с инвалидностью. Отсутствующий отец — это отец, которого нет в жизни ребенка де-факто — физически и психологически (не живет в семье, не заботится о ребенке и не общается с ним, неизвестен матери и ребенку) и де-юре — юридически, по формальным признакам (не устанавливает отцовство, не выплачивает алименты, не воспитывает детей после развода / разрыва партнерских отношений). Выделены две группы отсутствующих в ситуации инвалидности ребенка отцов — «сбежавшие» и «отстраненные». В основе отчуждения отцов от заботы о детях с инвалидностью лежит дефицит чувства отцовского долга, ответственности, обязательств. Отцовская идентичность у этих отцов не сформирована, у части отцов — негативная или инфантильная. Их ключевые индивидуально-личностные характеристики — личностная незрелость, эгоцентризм, эмоциональная черствость, дефицит ответственности, жизнестойкости, навыков самостоятельного решения жизненных проблем. Характер гендерных установок у отсутствующих отцов традиционный, вместе с тем отмечается нежелание выполнять традиционные роли — добытчика, кормильца, защитника. Для них характерно «обедненное» отцовство, объектное отношение к ребенку. Сделан вывод о том, что в семейных отношениях отсутствующие отцы транслируют опыт проблемного воспитания в родительской семье. Показано, что молодые отцы и семьи, в которых воспитываются дети с инвалидностью, нуждаются в профессиональной поддержке, ориентированной на изменение отношения к ребенку, отцовской роли, на формирование отцовской идентичности, усиление родительской мотивации отцов, активизацию родительского потенциала.

Ключевые слова: отцовство, маскулинность, вовлеченное отцовство, отсутствующий отец, отцы детей с инвалидностью, дети-инвалиды, устойчивость семьи, социальная поддержка

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00770 «Потенциал вовлеченного отцовства в молодых российских семьях: механизмы формирования, практики реализации, факторы активизации», <https://rscf.ru/project/23-18-00770/>.

Для цитирования: Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отсутствующее отцовство в молодых российских семьях, воспитывающих детей с инвалидностью // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 96—112.

Original article

FATHER ABSENCE IN YOUNG RUSSIAN FAMILIES RAISING CHILDREN WITH DISABILITIES

Olga N. Bezrukova, Valentina A. Samoylova

St. Petersburg State University, St. Petersburg,
Russian Federation, o.bezrukova@spbu.ru

Abstract. The article analyzes the specifics of father absence in young mothers' perception whose families raise children with disabilities. The absent person is a father missing in the life of a child *de facto*, i. e. physically and psychologically (a father who does not live in the family, does not care for and does not communicate with the child, is unknown to the mother and the child) and *de jure*, i.e. legally and on formal grounds (a father who does not establish paternity links, does not pay alimony, does not raise children after a divorce / breakup of partnership). The group of absent fathers with disabled children splits into “runaway” and “disengaged” ones. The background of alienation on the part of fathers from childcare in case of disabled children is the unwillingness to take care, the lack of a sense of paternal duty, lack of responsibility and rejection of obligations. The paternal identity of these fathers has not developed, with some of them behaving negative or being infantile. It is typical for them to lack responsibility, resilience, and skills for solving life issues independently. The key individual characteristics of absent fathers are personal immaturity, egocentrism, infantilism, and emotional callousness. The fathers' attitudes limit their participation and concern for the child's issues. It reflects in the practices of avoidance, escape, ignoring, and rejection. The nature of gender attitudes of absent fathers is traditional. At the same time, the authors noted the reluctance to fulfill the traditional roles of the breadwinner, wage earner, and protector. They are likely to express “impoverished” paternity, an objective attitude towards the child. The authors concluded that in their marital relations the absent fathers transfer their own experience of problematic upbringing from the parental family. The article shows that young fathers and families with disabled children require professional support that should focus on changing attitudes towards the child, the father's role, the development of paternal identity, strengthening parental motivation of fathers, and activating parental potential.

Key words: fatherhood, masculinity, involved fatherhood, absent father, fathers of children with disabilities, children with disabilities, family resilience, social support

Acknowledgements: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 23-18-00770 “The potential of involved fatherhood in young Russian families: formation mechanisms, implementation practices, and factors of promotion”, <https://rscf.ru/project/23-18-00770/>.

For citation: Bezrukova, O. N., Samoylova, V. A. (2023) Otsutstvuiushchee otsovstvo v molodykh rossiiskikh sem'iyakh, vospityvaiushchikh detei s invalidnost'iu [Father absence in young Russian families raising children with disabilities], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 96—112.

Введение

В Российской Федерации в 2022 году проживало 728 988 детей с инвалидностью, при этом в последние 3 года их численность возросла на 12 %. Несмотря на то что условия жизни семей, имеющих детей с инвалидностью, улучшаются — развивается доступная среда, расширяются возможности получения образования, увеличены размеры пособий, распространяются инклюзивные практики, остается множество нерешенных проблем*. Помимо очевидных трудностей, существует острая проблема, которая пока не стала предметом исследований, — это дефицитное отцовство в семьях особых детей, проявляющееся в нежелании части отцов выполнять родительские обязанности, эмоциональной безучастности, отчуждении от заботы о детях. Как показали результаты опроса родителей, имеющих несовершеннолетних детей, воспитание ребенка-инвалида, по сравнению, например, с приемным ребенком, воспринимается как значительно более трудное. Считают, что растить ребенка с инвалидностью им не под силу, более трети опрошенных (35,6 %), четвертая часть затруднились с ответом, а полагают, что справятся, также более трети (38,4 %). Доля отцов, согласных с утверждением «растить ребенка-инвалида — это непосильный труд для меня», приближается к половине (40,8 %) против трети в группе матерей (28,5 %) [Безрукова, Самойлова, 2022а: 99—101].

По данным зарубежных исследователей, острая эмоциональная реакция на ситуацию ограничивает способность отца признать или понять болезнь ребенка и заботиться о нем, приводит к иррациональным решениям «исправить это», к выбору стратегий ухода от проблемы, отчуждению и неучастию (см., напр.: [Falk et al., 2014; Rankin et al., 2019]). Негативные стереотипы общества об отцовской безответственности, нежелании нести трудную ношу в ситуации инвалидности ребенка также не способствуют поддержанию жизненных сил, веры в себя, укреплению родительского потенциала отцов. Все вместе это приводит к тому, что отцы не справляются с трудностями и бременем забот о больном ребенке и уходят из семей. По данным Е. В. Гребенниковой с соавторами, доля монородительских семей, воспитывающих детей-инвалидов, достигает 45 %, причем большая часть таких семей — 38 % — распались после рождения больного ребенка [Гребенникова и др., 2015].

Таким образом, тема отсутствующего отцовства в семьях, имеющих детей с инвалидностью, является чрезвычайно актуальной, не изученными остаются вопросы родительской мотивации отцов, покинувших семьи сразу после рождения ребенка или в первые годы жизни, причины их отчуждения, специфика семейного и жизненного опыта, личностных характеристик, супружеских и межпоколенных взаимодействий, повлиявших на уход из семьи.

* Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2022 году. URL: <http://www.deti.gov.ru/detigray/upload/documents/July2023/7JkHUTqLIsZL45JDp4X1.pdf> (дата обращения: 07.08.2023).

Методология исследования

Вслед за работой Д. Бланкенхорна «Безотцовская Америка», где обращается внимание на кризисные социальные проблемы общества, детерминантой которых считается отсутствие отцов в семье [Blankenhorn, 1996], тема отсутствующего отцовства стала предметом многих исследований и научных дискуссий (см., напр.: [Гурко, 2003; Рореное, 2009; Кон, 2009; Клещина, 2009; Lamb, 2017]). Основными причинами дефицита отцовства, ослабления и неэффективности отцовских практик в семьях исследователями признаются разводы и внебрачная рождаемость, пребывание в местах лишения свободы, высокая смертность мужчин в связи с рискованным образом жизни, алкоголизмом, травмами, инвалидностью, суицидами, военными действиями и др. [Blankenhorn, 1996; Secret, 2012; Хитрук, 2017; Хабриев и др., 2019; Oliveira, Vaines, 2020; Новоселова, 2020; Безрукова, Самойлова, 2022b]. Немалую долю в формирование латентной (скрытой) безотцовщины вносят трудовая и образовательная миграция, отъезд мужчин на заработки в регионы с высоким уровнем финансовых возможностей, эмиграция в страны ближнего и дальнего зарубежья [Kalmijn, 2015; Гурко, 2022; Саралиева и др., 2023]. Отцы отвергаются матерями после развода вследствие родительского конфликта, негативного восприятия отцовской компетентности, невыплаты алиментов, практик гейткипинга, ограничения и (или) лишения отца родительских прав [Trinder, 2008; Fagan, Palkovitz, 2011; Безрукова, Самойлова, 2020, Ростовская и др., 2023]. Отцы покидают семьи и вследствие тяжелых нарушений здоровья детей. Помимо инвалидности ребенка, критически важное значение в таких семьях имеют качество супружеского и семейного взаимодействия, функциональность семьи, ее способность адаптироваться к трудностям, при этом неспособность совладать с родительским стрессом и депрессией во многих случаях приводит к снижению экономической устойчивости семьи с особыми детьми, ставит под угрозу качество жизни и целостность семейной системы [Neely-Barnes, Dia, 2008; Salom et al., 2023].

Мы опирались на концептуальные подходы к пониманию «кризиса отцовства», раскрывающегося, по мнению И. С. Кона, во взаимосвязанных процессах кризиса семьи (нестабильность брака, разводы, появление нетрадиционных форм брачных отношений, проблематичность распределения супружеских обязанностей и др.), кризиса маскулинности (ослабление мужской власти и традиционных представлений о мужественности, появление новых отцовских практик и связанных с ними психологических проблем), кризиса власти (ослабление мужского доминирования и лидерства, мужской ответственности, дисциплинарных и контролирующих мужских функций в семье) [Кон, 2009: 305—306].

В объяснении того, как отцы строят свою идентичность в ситуации рождения ребенка с тяжелыми нарушениями здоровья, мы основываемся на том, что маскулинность представляет собой «культурно предписанный сценарий, от реализации которого зависит относительная социальная успешность индивида, его самооценка и восприятие его окружающими» [Тартаковская, 2002: 113]. Мужчинам часто приходится прилагать значительные усилия, чтобы избежать «срыва сценария» успешной мужественности, противостоять угрозе провала, сползания к проявлениям «несостоявшейся маскулинности» (failed masculinity) как

синониму жизненного краха [Pleck, 1976; Тартаковская, 2002], усилению, как писал И. С. Кон, «депрессивных настроений, социальной апатии, склонности к суициду, выработке стратегии “выученной беспомощности” (отказ от активной борьбы с трудностями и использование своей беспомощности в качестве средства эксплуатации других)» [Кон, 2008: 8]. Именно в этом заключается «кризис маскулинности», который рассматривается как «проблематизация мужского опыта» [Здравомыслова, Темкина, 2018: 52], предполагающий «диагностику проблем мужского бытия в контексте издержек мужской гегемонии, непредвиденных и явных последствий жестко определяемой доминирующей роли и отвержения всех и всего, что с ней не согласуется» [там же: 63]. Во многом стремление соответствовать нормам традиционной маскулинности, избежать неудачи, страх не справиться с «трудным отцовством» в кризисной ситуации рождения ребенка с инвалидностью и объясняет проявления специфического феномена «выхода» из ситуации — отстранения (алкоголизм, эмоциональное отчуждение, отказ от решения проблем и др.) и бегства из семьи.

Реализуемые в исследовании подходы основываются на концепте «*отсутствующее отцовство*», которое чаще всего определяют как «физическое отсутствие отца в семье, незначительность и бедность отцовских контактов по сравнению с материнскими, педагогическая некомпетентность отцов, их незаинтересованность и неспособность осуществлять воспитательные функции» [Кон, 2009: 302]. Отсутствующий отец — это «отец, который практически не включен в повседневную жизнь своего ребенка (детей) либо утратил контакт с детьми вследствие развода; другими словами, отсутствующий отец — это мужчина, не имеющий психологического или физического контакта со своими детьми» [Клецина, 2009: 38], он «отстранен от своих детей, не имеет эмоционального контакта с ними (рациональность), он оценивает внешнюю самореализацию значительно выше внутрисемейной (трансцендентность)» [Хитрук, 2016: 103].

Полагаем, что при определении понятия «*отсутствующее отцовство*» необходимо рассматривать всю многообразную палитру отцовских образов, моделей и практик, проявляющихся в дефицитарных и негативных образцах: от «*формально отсутствующего*» — отвергающего, бегущего от отцовства до «*вынужденно отсутствующего*» — дистантного и «*психологически и эмоционально отсутствующего*» — отстраненного, неучаствующего, равнодушного. Вместе с тем важно обозначить дифференцирующие признаки, характеризующие смысловые значения и критерии выделения разных групп отцов.

Отсутствующий отец — это отец, которого нет в жизни ребенка де-факто — физически и психологически (не живет в семье, не заботится о детях и не общается с ними, неизвестен матери и ребенку) и де-юре — юридически, по формальным признакам (не устанавливает отцовство, не выплачивает алименты, не воспитывает детей после развода / разрыва партнерских отношений). В разработанной нами ранее типологии отцов это, по сути, «*активно отвергающие*» отцы (объективные критерии выделения: отказ от регистрации брака и установления отцовства, невыплата алиментов, отсутствие финансовой и эмоциональной поддержки детей, раздельное проживание, практики избегания, игнорирования, отвержения, уход отца из семьи; субъективные критерии: негативное отношение к матери и ребенку, отрицательная мотивация отцовства,

внесемейные ценности, отчужденные отношения с матерью, безответственность / передача ответственности за рождение и воспитание детей матери) [Безрукова, 2013: 126].

Вместе с тем отсутствующими отцами бывают и те, кто вынужденно, часто не по своей воле (по причинам удаленной профессиональной занятости, участия в военных действиях и др.) оказываются недоступны для своих детей. Назовем их «*вынужденно отсутствующие*» отцы. Кроме того, довольно распространенная категория отцов — это «*психологически, эмоционально отсутствующие*» отцы, совпадающая с выделенными нами ранее «*пассивно отвергающими*» и «*пассивно принимающими*» отцами [там же: 123—124].

При рассмотрении феномена отсутствующего отцовства, возникающего в ситуации болезни ребенка, мы основываемся на положениях концепции устойчивости семьи Ф. Уолш — ключевых процессах, включающих системы убеждений, организационные процессы, процессы общения / решения проблем [Walsh, 2016]. Анализ результатов исследования взаимодействий в семьях, имеющих детей с инвалидностью, показал, что роль семейных отношений, удовлетворенность браком, качество коммуникаций с матерью тесно взаимосвязаны с вовлеченностью отца в заботу о ребенке [Безрукова, Самойлова, 2022b: 133—136]. Вместе с тем влияние качества межпоколенческих и супружеских отношений, а также персональных (индивидуально-личностных) характеристик отца, его психологического здоровья на реализацию практик избегания, игнорирования, отвержения, включая уход из семьи, в российском научном дискурсе пока практически не рассматривалось.

Цель статьи состоит в изучении феномена отсутствующего отцовства в восприятии матерей, в семьях которых воспитываются дети с инвалидностью. Основные исследовательские задачи включают изучение социального портрета и специфики индивидуально-личностных характеристик отсутствующих отцов, особенностей их родительской мотивации, характера гендерных установок, распределения семейных обязанностей, качества межпоколенческих и супружеских отношений и их влияния на реализацию практик отцовства.

Эмпирическая основа исследования — материалы двух фокус-групп с 18 матерями, в семьях которых воспитываются дети со стойкими нарушениями здоровья. Критерии отбора матерей: наличие детей до 18 лет с проблемным здоровьем (инвалидность или ОВЗ), нежелание отца воспитывать ребенка-инвалида или уход из семьи, возраст до 35 лет. Респондентки подбирались через центры социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов. Возраст матерей 24—35 лет, высшее образование имеют 9 человек, среднее специальное — 9 человек. Разведены 10 человек, в зарегистрированном браке состоят 7, вдова 1. Одного ребенка имеют 5 семей, двое детей у 9 семей, трое детей в 3 семьях, пять детей в 1 семье. По характеру нарушений здоровья детей выборка неоднородная, имеет место разнообразие нозологий. Это сахарный диабет первого типа, расстройства аутистического спектра с синдромом Аспергера, задержка психического развития, болезни органов дыхания, эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ, психические расстройства непсихотического характера, спинномозговая грыжа, гидроцефалия, эпилепсия, осложненный астигматизм, синдром Дауна и др.

**Специфика отсутствующего отцовства в ситуации
инвалидности ребенка: «сбежавшие» и «отстраненные» отцы**

Отсутствующие отцы в данной жизненной ситуации — это чаще всего «сбежавшие» отцы, те, кто покинул свои семьи сразу после рождения ребенка или в первые годы его жизни после постановки диагноза. Возникшие трудности (психологические, материальные и др.) усугублялись реакцией специалистов медицинских учреждений и социальных служб, стигматизирующих семью с ребенком-инвалидом как «несправляющуюся» и «низкоресурсную».

«Вы средняя семья, вы не в состоянии поднять этого ребенка на ноги, мужчины таких детей не принимают вообще, поэтому ваша семья распадется». То есть это было как прогноз. Да, через два года он уехал от нас (35 лет).

Рождение ребенка с нарушениями в здоровье заставляет отца изменить привычный образ и ритм жизни, в том числе трудовую занятость, проведение досуга, качество жизни. Требуется больше финансовых средств, а в связи с необходимостью ухаживать за ребенком часть матерей бывают вынуждены оставить работу, что приводит к необходимости для отца перестроиться — найти дополнительный заработок. Приходится отказываться от встреч с друзьями, заботы о себе, от свободного времени, сексуальных отношений. Многие из этих изменений оказываются для отцов стрессующими, запредельными по нагрузкам, эмоционально перегруженными, невыносимыми.

Все время повторял мне: «Не хочу так жить, зачем мне все это, для чего такая несчастная жизнь? Почему именно мне все это...» (31 год).

«Сбежавшие» в определенный момент испытывают усталость, невозможность справиться с бедностью, нелегкой работой, напряженной семейной ситуацией, что приводит к желанию «сойти с дистанции», «пожалеть себя и забыться».

Он просто устал от всей этой бесконечной жизни, недоедание, работа тяжелая, и он запил. Запил так капитально, что просто жуть (35 лет).

С мужем мы развелись после того, как ребенок у меня заболел, через год. Не выдержал он всего этого... (32 года).

Если матери испытывают состояние удрученности и горе, примирившись с рождением ребенка с нарушениями здоровья, отцы чаще проявляют агрессию, испытывают гнев, злость, ожесточение, обвиняют матерей в неспособности родить здорового ребенка или в увлечении самореализацией — работой, учебой в ущерб семье и ребенку. Ответственность за рождение больного малыша переносится на мать, при этом отцы стремятся полностью выйти из зоны солидарной ответственности родителей, отрицают свой возможный генетический вклад, тем самым отказываясь поддерживать мать и ребенка.

Его слова: «Сама виновата, сама и расхлебывай!» (25 лет).

Он говорил: «Виновата во всем ты, что ребенок такой родился. Думать нужно было, чем заниматься: здоровьем или учебой своей...» (31 год).

Родительская мотивация «сбежавших» отцов в целом не сформирована, отцовская идентичность негативная.

Хотела ребенка я, а не он, обвинял меня: «Не хотел, не хочу и не буду хотеть ребенка такого, говорил тебе раньше и сейчас, и вот результат» (28 лет).

Таким образом, «сбежавшие» отцы чувствовали свое нежелание заботиться о ребенке с проблемами здоровья, поддерживать супругу и свою семью, проявляли эмоциональную черствость и эгоизм, инфантильную позицию, стремление избавиться от матери с ребенком, отказывались от отцовской и супружеской ролей.

«Мне такой ребенок не нужен! Мы так не договаривались» (29 лет).

Их отличает отрицательная мотивация отцовства, неприемлемость дополнительной финансовой нагрузки, непереносимость психологических трудностей, бессонных ночей, временных затрат, нетерпимость к вниманию жены к ребенку.

Слышу его слова: «Хватит с меня, разбирайтесь сами!» (32 года).

Ценности ответственного родительства/отцовства у таких отцов не сформированы; «сбежавшие» отцы напоминают «отца-подростка» — капризного, эгоистичного, избалованного, который так и не повзрослел.

Он еще был, наверное, психологически все-таки незрелый (30 лет).

Такой отец после рождения особого ребенка продолжает жить прежней жизнью «по привычке», встречается с друзьями, пропадает на несколько дней, «забывает» приносить зарплату.

Только недавно стал понимать, что у него вообще есть ребенок. Никакой помощи не было, и голодали, и чего только не было. Он не мог понять, что он вообще отец, может, и не хотел, и не понимал (32 года).

Как итог, такие отцы разрывают отношения с матерью ребенка-инвалида, требуют официального развода, не устанавливают отцовство после разрыва отношений в партнерских союзах, не поддерживают финансовую и эмоциональную заботу о детях, не занимаются воспитанием детей и общением с ними, избегают платить алименты.

Просто прекратил все контакты, исчез, как будто его и не было, алиментов тоже нет (27 лет).

Другой тип отсутствующих отцов детей с инвалидностью — в крайней степени невовлеченные отцы, или «**отстраненные**». Для них типично неучастие в воспитании ребенка в силу разных причин при их физическом присутствии. Они склонны перекладывать ответственность на матерей, бабушек, специалистов из-за неприятия болезни ребенка и самого ребенка. Более психологически комфортный вариант — сведение к минимуму семейного общения под предлогом высокой трудовой занятости, поскольку мужчина часто остается единственным кормильцем в семье. То есть отцы в семье присутствуют, но личностно не включены в насущные проблемы, обусловленные нездоровьем детей. В этих семьях происходит инверсия родительских ролей, мать занимает доминирующую позицию, полностью принимая на себя ответственность за уход, воспитание, обучение ребенка, а потенциал отцовства остается неиспользованным.

Для таких отцов характерна неспособность к солидарным действиям с супругой ради ребенка, проявляется эгоцентризм, неготовность жертвовать своими интересами, мужчина думает прежде всего о себе и своем здоровье.

Он не считал, что нарушения какие-то у сына могут быть серьезнее, чем у него после травмы. И поэтому любые попытки, что нужно ребенку развивающее что-то, как-то стимулировать его для дальнейшей жизни, не то чтобы пресекались, но он объяснял, что ребенок хотя бы пару слов говорит, а он вообще не может (24 года).

Для «отстраненных» отцов типичен специфический симптомокомплекс качеств, противоположных жизнестойкости, способности к мобилизации личностных ресурсов для преодоления неблагоприятных обстоятельств жизни. Образ «отстраненных» отцов в представлениях матерей выглядит достаточно негативно: для них характерны равнодушие и безучастность к детям и матери, неприспособленность и несамостоятельность, неспособность справляться с трудностями. Их отличает страх за себя и свое будущее, растерянность, слабость воли, апатия.

У этих отцов не сформирована ответственность как личностная черта, они не стремятся учиться, приобретать навыки решения проблем.

Ему нужно научиться не бояться ответственности, думает только о себе и старается не брать на себя ответственность ни за что. Ни за ребенка, родителей, ни на работе. Не хочет ни подо что подстраиваться (32 года).

В критических ситуациях, когда необходимо действовать, принимать решение, они предпочитали отстраняться и «ничего не делать».

Он лежал на диване совершенно спокойно, как бы не волнуясь при этом, так было всегда, пусть само рассосется (35 лет).

Ответственность за материальное благополучие семьи перекладывается на мать, родителей, социальные службы.

Он просто не работал, нам, в принципе, хватало средств к существованию, общественные организации помогали, а сейчас... он тоже не собирается работать. То есть: «Тебе надо — ты иди, работай!» (33 года).

Но если они приносят в семью даже небольшой, а иногда просто «символический» заработок, это становится основанием для проявления своей власти, контроля и доминирования над женой и детьми.

Ему казалось, что он нас обеспечивает, и соответственно «раз я тебя обеспечиваю» (на самом деле нет), «то я могу диктовать тебе свои условия, как ты будешь жить» (34 года).

Если такой отец покидает семью, то не стремится внести свой вклад в финансовую заботу о ребенке, не выполняет обязательства по его содержанию, выплачивает минимальную строго фиксированную сумму алиментов или «забывает» о ней.

Бывший муж платит алименты на ребенка, но это составляет 5000 в месяц, все. Больше, как говорит, не может. То есть лезть и докапываться у него в плане денег я не буду, потому что мое здоровье мне дороже (35 лет).

Он отказывается воспринимать проблемы, которые требуют решения, не замечает обращений матери к нему за помощью.

Он не хочет слушать, когда рассказываю о трудностях, он не хочет слышать, что есть какие-то проблемы. Он не хочет, чтобы что-то плохо было с его ребенком единственным. Ну, это слабость такая его. Слушать ему тяжело, он не может. У него начинает болеть сердце сразу. Он встречается с ребенком и звонит ему раз в месяц, алименты перечисляет регулярно. Но я попросила съездить в пансионат с ребенком, потому что у меня на работе сложности, он сказал: «Что я там буду делать?» То есть не то что здесь ребенку будет хорошо и что ты должен ребенку (29 лет).

Равнодушие и безучастность к детям основывается на отрицательной или неопределенной мотивации отцовства, эмоциональной холодности.

Сам он не горел диким желанием иметь этого ребенка. Он говорил: «У меня уже есть ребенок, зачем мне еще» (31 год).

«Отстраненные» отцы обычно равнодушны к детям, ребенок с нарушениями здоровья представляется им непривлекательным и уродливым, вызывает у них неприязнь и негативные чувства.

Он сказал: «Я боюсь к нему прикасаться, мне неприятно, стыдно, противно» (30 лет).

Такие отцы, как правило, не осознают важности формирования ранней привязанности к детям, влияния отцовского вклада на когнитивное и эмоциональное развитие ребенка. Они не хотят и не умеют заниматься и играть с детьми, не желают учиться, не испытывают теплых чувств.

Развелись в итоге. А ребенка он, в принципе, любит, но вот ни нормально позаниматься с ним, ни поиграть. Почему так? Наверное, просто не может, просто не умеет (32 года).

Эти отцы часто не способны создавать радостные моменты жизни, которые так необходимы детям. В этом проявляется невнимание к желаниям ребенка, они не чувствуют потребности помогать, заботиться, доставлять детям радость.

Папа... говорит: «Ну, не фигу себе! Зачем я это ему буду покупать? Он что будет встречать — меня или конфету?» (33 года).

Одна из особенностей «отстраненных» отцов — игнорирование симптомов болезни, нечувствительность к потребностям ребенка, отстранение от проблемы, нежелание тратить свои силы на поиски ресурсов, в том числе материальных, для лечения и реабилитации детей.

Его позиция как была, так остается и сейчас, что это я сама все выдумала, он [ребенок] бы все равно когда-нибудь сам заговорил, что это мне было

надо, вот это лечение: «Господи, да что ты на это деньги тратишь и дурью маешься?» Такое примерно у него и сейчас отношение (34 года).

Для них характерно стремление получать внешнюю поддержку от родителей, государства, использовать пособия на ребенка на свои нужды.

Особенно ему нравится, что сейчас государство оказывает очень большую поддержку, и он стал лучше одеваться, больше питаться сам (26 лет).

Родительская семья и супружеские отношения в семьях «сбежавших» и «отстраненных» отцов

Родительская семья может влиять на формирование как сильного характера человека, так и его беспомощности и уязвимости. Для семей отцов, покинувших своих детей, характерны авторитарная культура воспитания, диктат и контроль, конфликтность супружеских и межпоколенческих отношений. Такая семья чаще представлена одинокой матерью, обожающей единственного сына, диктующей ему свои представления о правилах жизни.

Свекровь стремилась сделать его счастливым, считала, он не будет счастлив со мной и с больным ребенком. Он нас бросил с 7-месячным больным ребенком, сказал: «Я боюсь его на руки брать и вообще я вижу, что ты его любишь больше, чем меня... мне нужна любовь 100 %-я, и чтобы никто этому не мешал» (30 лет).

Другой вариант — доминирующие родители, которые имеют власть над сыном.

Они все сделали для того, чтобы помочь нам развестись. У него своей головы на тот момент не было, ему было 25 лет. <...> Маму и папу слушал, и проблемы начались, еще когда я беременная была; он уже уезжал на юг с девушками и тому подобное (32 года).

Еще один вариант — конфликтующие между собой родители. Родители, как правило, создают дополнительные источники угроз и разлада в молодой семье.

Когда был вопрос о том, где ребенка прописывать, когда только родился, все переругались. Они моему мужу на тот момент заявили: «Если ты пропишешь ребенка к нам, то мы тебя из квартиры вышлем» (33 года).

В семьях чаще всего нарушенные коммуникации, нет постоянных взаимодействий.

У них семья такая: родители сами по себе, сын сам по себе, дочь сама по себе. Нет близких отношений и никогда не было (30 лет).

Таким образом, родительские семьи «сбежавших» и «отстраненных» отцов представляют собой нестабильные и враждующие группы, в которых существует дефицит теплых и близких отношений, конструктивных взаимодействий, что создает предпосылки для трансляции разрушительных процессов и проблемных паттернов в функционирование семей своих взрослых детей.

Процессы устойчивости семьи, включающие три основные группы — системы убеждений, организационные вопросы и способы коммуникаций, выглядят в семьях отцов, покинувших своих детей-инвалидов или отстранившихся от них, хаотичными, напряженными, проблематичными.

Так, процессы общения характеризуются конфликтностью, семья не объединяется для общей цели — заботы о ребенке-инвалиде.

Муж не умеет поддерживать отношения с людьми, он умудрился за годы нашей совместной жизни переругаться с мамой вдребезги, и поэтому мы не поддерживаем отношения, не потому что они плохо относятся ко мне или к ребенку, а потому что муж этого не хочет (30 лет).

В отдельных случаях деструктивные отношения сопровождаются жестокостью и насилием по отношению к женщине и детям.

Живем с бывшим мужем в одной квартире, и у нас практически ежемесячно до рукоприкладства доходит, ребенок-инвалид ему во всем виноват (34 года).

Решение организационных вопросов и проблем в такой семье запаздывает, а порою отсутствует вовсе. Отсутствует и общая система ценностей, взаимная поддержка, сотрудничество, совместная работа, приверженность общим целям.

...Наша проблема была не только в ребенке, у нас была проблема семьи, мы ничего не могли сделать вместе (35 лет).

В семьях преобладает доминирование материнской ответственности за функционирование семейной системы, мужская роль осуществляется по принципу «что хочу, то и делаю».

«Вот это я буду делать, это я не буду делать; если не нравится, я тогда вообще уйду» (31 год).

Заключение

В основе специфики проявлений моделей отсутствующего отцовства в ситуации рождения ребенка с нарушениями в здоровье — «сбежавших» и «отстраненных» — лежит нежелание отцов заботиться о ребенке (мотивация «не хочу»), им также свойственны дефицит чувства отцовского долга, ответственности, отсутствие обязательств (мотивация «не надо»). Они находятся под влиянием установок, ограничивающих сопричастность к ситуации с ребенком и переживания за него, что выражается в практиках избегания, ухода, игнорирования, отвержения (мотивация «не могу»). Отцовская идентичность у этих отцов не сформирована, у части их она негативная или инфантильная. Ключевые индивидуально-личностные характеристики отсутствующих отцов — личностная незрелость, инфантильность, эгоцентризм, эмоциональная черствость. Их отличает дефицит ответственности, навыков самостоятельного решения жизненных проблем, жизнестойкости. Характер гендерных установок, как правило, традиционный, вместе с тем проявляется нежелание выполнять и традиционные роли — добытчика, кормильца, защитника. Они не готовы брать на себя дополнительную рабочую нагрузку, чтобы финансово поддержать семью, не считают нужным

тратить время на помощь жене в домашних делах, проявляют нетерпимость к ее повышенной заботе о ребенке, не хотят замечать, а тем более разделять возникшие физические и психологические трудности, связанные с болезнью ребенка. Для них характерно «обедненное» отцовство, скорее объектное отношение к ребенку. По сути, эти отцы не смогли стать отцами своим детям — заботливыми, вовлеченными, несущими ответственность за их благополучие и развитие.

Истоки несостоявшегося отцовства обнаруживаются в родительских семьях «сбежавших» и «отстраненных» отцов, для которых часто характерны атмосфера конфликтности, дефицита теплых и близких отношений, конструктивных взаимодействий, авторитарный стиль воспитания, а если семья неполная, то обычно — гиперопека со стороны обожающей сына матери. Все это создает предпосылки для трансляции проблемных паттернов в функционирование семей взрослых детей. Вместе с тем сценарий собственного отцовства у этих отцов вполне может стать иным в результате осознания проблемы, работы над собой, развития родительских навыков и потребности выполнять родительские обязанности.

Несмотря на устойчивость трансляции опыта воспитания в родительской семье, критическое его переосмысление возможно, и желание его не повторять, стать другими — наполненными заботой и теплотой к детям — присуще молодым поколениям отцов, о чем свидетельствуют данные исследований [Безрукова, Самойлова, 2022а, 2022б; Uribe-Morales et al., 2022]; в то же время многим отцам необходима поддержка со стороны специалистов. В настоящее время активно развивается практика раннего вмешательства для оказания помощи семье в заботе, лечении, развитии ребенка с проблемным здоровьем. Представляется, что в рамках этих программ следует усилить компонент ранней помощи именно родителям, особенно отцам. Начальным этапом такой работы должна быть полноценная, всеохватывающая, предоставляемая в обязательном, а не только в заявительном порядке информационная поддержка, чтобы родители смогли с самого начала делать конкретные практические шаги, а не переживать состояние острой растерянности, беспомощности, а в случае инфантильных, незрелых отцов — не испытывали желания убежать от проблемы. Молодые отцы нуждаются в профессиональной поддержке, ориентированной на изменение их отношения к ребенку, выработку отцовской роли, способствующей осознанию своих возможностей и ресурсов, личностному взрослению и росту. В связи с этим перед профессиональным сообществом встают новые актуальные задачи по созданию и реализации программ для целевых групп отцов.

Список источников

- Безрукова О. Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 118—130.
- Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Материнский гейткипинг в России: молодые отцы о матерях и барьерах доступности детей после развода // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 463—498.
- Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция // Социологические исследования. 2022а. № 2. С. 94—106.

- Безрукова О. Н., Самойлова В. А. «Продиктовано любовью...»: вовлеченное отцовство в российских семьях, воспитывающих детей с инвалидностью // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022b. № 5. С. 122—148.
- Безрукова О. Н., Самойлова В. А., Мальков Н. Р. Отцовство осужденных молодых мужчин в условиях заключения // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 117—127.
- Гребенникова Е. В., Шелехов И. Л., Берестнева О. Г. Психолого-педагогическая компетентность родителей, воспитывающих детей-инвалидов // Наукоедение. 2015. Т. 7, № 2. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/18PVN215.pdf> (дата обращения: 06.08.2023).
- Гурко Т. А. Родительство: социологические аспекты. М.: Ин-т социол. РАН, 2003. 164 с.
- Гурко Т. А. Применение понятий теории семейного стресса в зарубежных исследованиях // Социологический журнал. 2022. Т. 28, № 3. С. 166—183.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 48—73.
- Клецина И. С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 29—41.
- Кон И. С. Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 4. С. 5—16.
- Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
- Новоселова Е. Н. К проблеме чрезмерного потребления алкоголя в российских семьях // Вестник Московского университета. Сер. 18, Социология и политология. 2020. № 26. С. 142—160.
- Ростовская Т. К., Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Одинокие матери в российском обществе: штрихи к социальному портрету // Женщина в российском обществе. 2023. № 1. С. 32—42.
- Саралиева З. Х., Янак А. Л., Рябинская Е. С. Берегите мужчин! Стратегии сбережения мужчин в российских семьях // Социальное пространство. 2023. Т. 9, № 1. URL: <http://socialagea-journal.ru/article/29563> (дата обращения: 06.08.2023).
- Тартаковская И. Мужчины на рынке труда // Социологический журнал. 2002. № 3. С. 112—125.
- Хабриев Р. У., Кулакова С. В., Пертли Л. Ф., Спасенников Б. А. Смертность от внешних причин у лиц группы риска // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2019. № 27. С. 4—8.
- Хитрук Е. Б. Визуализация «отцовской революции» в контексте смены философских парадигм // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2016. Т. 3, № 2. С. 97—107.
- Хитрук Е. Б. Социально-психологическая поддержка мужчин в контексте «мужских проблем» // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 122—128.
- Blankenhorn D. Fatherless America: confronting our most urgent social problem. New York (NY): Harper Collins, 1996. 336 p.
- Fagan J., Palkovitz R. Co-parenting and relationship quality effects on father engagement: variations by residence, romance // Journal of Marriage and Family. 2011. № 73. P. 637—653.
- Falk N. H., Norris K., Quinn M. G. The factors predicting stress, anxiety and depression in the parents of children with autism // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2014. Vol. 44, № 12. P. 3185—3203.
- Kalmijn M. Father-child relations after divorce in four European countries: patterns and determinants // Comparative Population Studies. 2015. Vol. 40, № 3. P. 251—276.

- Lamb G. E. Fatherlessness: implications for God's word, church, and world // *Christian Education Journal*. 2017. № 14. P. 99—108.
- Neely-Barnes S. L., Dia D. A. Families of children with disabilities: a review of literature and recommendations for interventions // *Journal of Early and Intensive Behavior Intervention*. 2008. Vol. 5, № 3. P. 93—107.
- Oliveira C., Baines E. Children "born of war": a role for fathers? // *International Affairs*. 2020. № 96. P. 439—455.
- Pleck J. The male sex role: definitions, problems, and sources of change // *Journal of Social Issues*. 1976. Vol. 32. P. 155—164.
- Popenoe D. *Families without Fathers: Fathers, Marriage, and Children in American Society*. New Brunswick (NJ): Transaction, 2009. 288 p.
- Rankin J. A., Paisley C. A., Tomeny T. S., Eldred S. W. Fathers of youth with autism spectrum disorder: a systematic review of the impact of fathers' involvement on youth, families, and intervention // *Clinical Child and Family Psychology Review*. 2019. Vol. 22, № 4. P. 458—477.
- Salom R., Aras L. M., Piñero J., Duñabeitia J. A. Dataset on the psychosocial impact in families with children with developmental and epileptic encephalopathies // *Scientific Data*. 2023. № 10. <https://doi.org/10.1038/s41597-023-02441-3>.
- Secret M. Incarcerated fathers: exploring the dimensions and prevalence of parenting capacity of non-violent offenders // *Fathering*. 2012. Vol. 10, № 2. P. 159—177.
- Trinder L. Maternal gate closing and gate opening in postdivorce families // *Journal of Family Issues*. 2008. Vol. 29, № 10. P. 1298—1324.
- Uribe-Morales B. M., Cantero-Garlito P. A., Cipriano-Crespo C. Fathers in the care of children with disabilities: an exploratory qualitative study // *Healthcare*. 2022. Vol. 10, № 1. <https://doi.org/10.3390/healthcare10010014>.
- Walsh F. Family resilience: a developmental systems framework // *European Journal of Developmental Psychology*. 2016. Vol. 13, № 3. P. 313—324.

References

- Bezrukova, O. N. (2013) Otsovstvo v transformiruiushchemsia obshchestve: ozhidaniia materĕi i praktiki otsov [Fatherhood in the transforming society: mothers' expectations and fathers' practices], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 118—130.
- Bezrukova, O. N., Samoĭlova, V. A. (2020) Materinskiĭ geĭtkiping v Rossii: molodye ottsy o materiakh i bar'erakh dostupnosti detĕi posle razvoda [Maternal gatekeeping in Russia: young fathers about mothers and the barriers to access children after divorce], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ĕkonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 3, pp. 463—498.
- Bezrukova, O. N., Samoĭlova, V. A. (2022a) Otsovstvo v sovremennoi Rossii: smysly, tsennosti, praktiki i mezhpokolencheskaia transliatsiia [Fatherhood in modern Russia: meanings, values, practices and intergenerational translation], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 94—106.
- Bezrukova, O. N., Samoĭlova, V. A. (2022b) "Proditkovano liubov'iu...": vovleĕhennoe otsovstvo v rossiiskikh sem'iakh, vospityvaiushchikh detĕi s invalidnost'iu ["Driven by love...": involved fatherhood in Russian families raising children with disabilities], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ĕkonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 5, pp. 122—148.
- Bezrukova, O. N., Samoĭlova, V. A., Mal'kov, N. R. (2022) Otsovstvo osuzhdennykh molodykh muzhchin v usloviiakh zakliucheniia [Paternity of young convicted fathers going through imprisonment], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 10, pp. 117—127.
- Blankenhorn, D. (1996) *Fatherless America: Confronting our most urgent social problem*, New York, NY: Harper Collins.

- Fagan, J., Palkovitz, R. (2011) Co-parenting and relationship quality effects on father engagement: variations by residence, romance, *Journal of Marriage and Family*, no. 73, pp. 637—653.
- Falk, N. H., Norris, K., Quinn, M. G. (2014) The factors predicting stress, anxiety and depression in the parents of children with autism, *Journal of Autism and Developmental Disorders*, vol. 44, no. 12, pp. 3185—3203.
- Grebennikova, E. V., Shelekhov, I. L., Berestneva, O. G. (2015) Psikhologo-pedagogicheskaia kompetentnost' roditel'ei, vospityvaiushchikh detei-invalidov [Psycho-pedagogical competence of parents of disabled children], *Naukovedenie*, vol. 7, no. 2, available from <http://naukovedenie.ru/PDF/18PVN215.pdf> (accessed 06.08.2023).
- Gurko, T. A. (2003) *Roditel'stvo: sotsiologicheskie aspekty* [Parenting: sociological aspects], Moscow: Institut sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk.
- Gurko, T. A. (2022) Primenenie poniatii teorii semeinogo stressa v zarubezhnykh issledovaniakh [The application of ideas of family stress theory in foreign research], *Sotsiologicheskii zhurnal*, vol. 28, no. 3, pp. 166—183.
- Kalmijn, M. (2015) Father-child relations after divorce in four European countries: patterns and determinants, *Comparative Population Studies*, vol. 40, no. 3, pp. 251—276.
- Khabriev, R. U., Kulakova, S. V., Pertli, L. F., Spasennikov, B. A. (2019) Smertnost' ot vneshnikh prichin u lits gruppy riska [The mortality from external causes in individuals of risk group], *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniia i istorii meditsiny*, no. 27, pp. 4—8.
- Khitruk, E. B. (2016) Vizualizatsiia "otsovskoi revoliutsii" v kontekste smeny filosofskikh paradim [Visualizing the "father's revolution" in the context of philosophy paradigms change], *ИПАЭХМА. Problemy vizual'noi semiotiki*, vol. 3, no. 2, pp. 97—107.
- Khitruk, E. B. (2017) Sotsial'no-psikhologicheskaia podderzhka muzhchin v kontekste "muzhskikh problem" [Psychosocial support of men in the context of "male problems"], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 122—128.
- Kletsina, I. S. (2009) Otsovstvo v analiticheskikh podkhodakh k izucheniiu maskulinnosti [Fatherhood in analytical approaches to the study of masculinity], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 29—41.
- Kon, I. S. (2008) Gegemonnaia maskulinnost' kak faktor muzhskogo (ne)zdorov'ia [Hegemonic masculinity as a factor in male (un)health], *Sotsiologiya: teoriia, metody, marketing*, no. 4, pp. 5—16.
- Kon, I. S. (2009) *Muzhchina v meniaiushchemsia mire* [Man in a changing world], Moscow: Vremia.
- Lamb, G. E. (2017) Fatherlessness: implication for God's Word, church, and world, *Christian Education Journal*, no. 14, pp. 99—108.
- Neely-Barnes, S. L., Dia, D. A. (2008) Families of children with disabilities: A review of literature and recommendations for interventions, *Journal of Early and Intensive Behavior Intervention*, vol. 5, no. 3, pp. 93—107.
- Novoselova, E. N. (2020) K probleme chrezmernogo potrebleniia alkogolia v rossiiskikh sem'akh [To the problem of excessive alcohol consumption in Russian families], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, seriia 18, Sotsiologiya i politologiya, no. 26, pp. 142—160.
- Oliveira, C., Baines, E. (2020) Children "born of war": a role for fathers?, *International Affairs*, no. 96, pp. 439—455.
- Pleck, J. (1976) The male sex role: definitions, problems, and sources of change, *Journal of Social Issues*, vol. 32, pp. 155—164.
- Popenoe, D. (2009) *Families without Fathers: Fathers, Marriage, and Children in American Society*, New Brunswick, NJ: Transaction.
- Rankin, J. A., Paisley, C. A., Tomeny, T. S., Eldred, S. W. (2019) Fathers of youth with autism spectrum disorder: a systematic review of the impact of fathers' involvement on youth,

- families, and intervention, *Clinical Child and Family Psychology Review*, vol. 22, no. 4, pp. 458—477.
- Rostovskaia, T. K., Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2023) Odinochie materi v rossiiskom obshchestve: shtrikhi k sotsial'nomu portretu [Single mothers in Russian society: strokes to a social portrait], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 32—42.
- Salom, R., Aras, L. M., Piñero, J., Duñabeitia, J. A. (2023) Dataset on the psychosocial impact in families with children with developmental and epileptic encephalopathies, *Scientific Data*, no. 10, <https://doi.org/10.1038/s41597-023-02441-3>.
- Saraliev, Z. Kh., Ianak, A. L., Riabinskaia, E. S. (2023) Bereгите mužhchin! Strategii sbrezheniia mužhchin v rossiiskikh sem'iakh [Save the men! Strategies for saving men in Russian families], *Sotsial'noe prostranstvo*, vol. 9, no. 1, available from http://socialarea-journal.ru/article/29563?_lang=en (accessed 06.08.2023).
- Secret, M. (2012) Incarcerated fathers: exploring the dimensions and prevalence of parenting capacity of non-violent offenders, *Fathering*, vol. 10, no. 2, pp. 159—177.
- Tartakovskaia, I. (2002) Mužhchiny na rynke truda [Men in the labor market], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 112—125.
- Trinder, L. (2008) Maternal gate closing and gate opening in postdivorce families, *Journal of Family Issues*, vol. 29, no. 10, pp. 1298—1324.
- Uribe-Morales, B. M., Cantero-Garrito, P. A., Cipriano-Crespo, C. (2022) Fathers in the care of children with disabilities: an exploratory qualitative study, *Healthcare*, vol. 10, no. 1, <https://doi.org/10.3390/healthcare10010014>.
- Walsh, F. (2016) Family resilience: a developmental systems framework, *European Journal of Developmental Psychology*, vol. 13, no. 3, pp. 313—324.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2018) Chto takoe “maskulinnost’”? Poniatiinye otmychki kriticheskikh issledovaniĭ mužhchin i maskulinnostei [What is “masculinity”? Conceptual keys to critical studies in men and masculinities], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 6, pp. 48—73.

Статья поступила в редакцию 08.08.2023; одобрена после рецензирования 30.08.2023; принята к публикации 07.09.2023.

The article was submitted 08.08.2023; approved after reviewing 30.08.2023; accepted for publication 07.09.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Безрукова Ольга Николаевна — кандидат социологических наук, доцент, и. о. ведущей кафедры социологии молодежи и молодежной политики, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, o.bezrukova@spbu.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor, Acting Head of the Department of Sociology of Youth and Youth Policy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).

Самойлова Валентина Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, v.samojlova@spbu.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Theory and Practice of Social Work, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).